

видимо, грустного факта: теории Герби-
ера «присягнули» многие крупные ученые.
Нобелевский лауреат физик Филипп Ле-
нард, активный нацист. Один из осново-
положников ракетной техники Герман
Оберт (он жив и поныне и, может быть,
справит свой столетний юбилей). Еще
один Нобелевский лауреат и также ак-
тивный нацист физик Иоханнес Штарк.

Читатель вправе задать вопрос: как же
сочетались в науке третьего рейха две
взаимоисключающие концепции — те-
ория Мирового Льда и теория полой
Земли? Как могло военное руководство
проводить эксперимент на острове Рюген
по лоцированию Северного моря и задер-
живать пуски Фау-2, опасаясь возмуще-
ния со стороны космических сил?

Вопрос риторический. Иррациональное
восприятие мира не может быть объясне-
но с позиций рациональной логики.
Кстати, похожий вопрос задавали и
рейхсканцлеру, на что Гитлер ответил:
«Наша концепция мироздания не нуж-
дается в связности. Обе теории могут быть
верны».

...Гербиер не дожид до зенита славы
своей теории. Однако он удостоился
немалого «почета»: самый бесчело-
вечный режим в истории Земли наделил
его титулом «Коперника XX столетия».
Гитлер даже планировал воздвигнуть ему
на родине памятник — рядом с монумента-
ми в честь Коперника и Птолемея.

Но даже после капитуляции гитле-
ровской Германии не капитулировали те,
кто снабжал режим «идеями».

В середине 50-х годов в ФРГ, Велико-
британии и США насчитывалось более
миллиона (!) последователей Гербиера.

Гербиеровский институт и поныне
существует в Западной Германии.
В 1953 году руководство института опо-
вестило: «Окончательное доказательство
единой теории космического льда будет
получено только тогда, когда люди произ-
ведут первую посадку на покрытую
льдом поверхность Луны». Однако «когда
астронавты Нил Армстронг и Эдвин
Олдрич ступили на поверхность Моря
Спокойствия 21 июля 1969 года, коньки
им не понадобились»⁷.

Сотрудники Гербиеровского института
обдумали этот факт и... примирились
с ним. Но от любимой теории не отказа-
лись! Они лишь кое-как приспособили ее
к уровню современных знаний. Как и
раньше, твердят о Луне, упавшей на
Землю 25 тысяч лет назад («данные
пересмотрены и уточнены»), о «нашей»
Луне, захваченной 10 тысяч лет назад,
о гибели Атлантиды и гигантах прошлых
цивилизаций.

И нет этому конца и края...

Разум, знания обычно отождествляют с
огнем. Факел, светильник, светоч...
Действительно, не прерывается битва
опа со льдом — дремучим, агрессивным
невежеством. И этот мертвый лед также
обжигает память, не дает забыть...

Морис Р. Can You Speak Venusian? London
1972. p. 71.

Источник: Пантин И. Поиск нравственных ориентиров :
раздумья над заметками В. Тендрякова «Нравственность и
религия» / И. Пантин // Наука и религия. — 1987. — № 9. — С. 49-
50.

ПОИСК НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ

Раздумья над заметками
В. Тендрякова
«Нравственность и религия»

И. ПАНТИН,
доктор философских наук

Имя писателя Владимира Федоровича
Тендрякова широко известно. Его
романы, повести переведены на мно-
гие языки. Страстная вера в тор-
жество добра и человечности, стремле-
ние воспитать потребность
нравственного сознания, бес-
корыстное служение принятым иде-
алам, наконец, обаяние незаурядной
личности — все это привлекает к его
творчеству и, уверен, будет привле-
кать в дальнейшем симпатии новых
поколений читателей.

Я не буду анализировать его худо-
жественные произведения, их литера-
турные достоинства — это дело кри-
тики. В творчестве Тендрякова меня
лично всегда привлекало стремление
писателя вести разговор, предполагая
мыслящего читателя (сторонника или
противника его взглядов), имеющего
самостоятельные нравственные суж-
дения.

Что такое гуманность в наш научно-
индустриальный век? Как сохранить ее
для нынешнего и будущих поколений?
Можно ли оставаться нравственным
человеком, руководствуясь во всем
только некими утилитарными сообра-
жениями? Всем своим творчеством
Тендряков доказывал, что с отрече-
нием во имя прагматических целей от
высоких нравственных идеалов чело-
век не умножает, а уменьшает свои
возможности творца духовных цен-
ностей, новой действительности.

Но достаточно о Тендрякове про-
заике. Опубликованные в журнале
«Наука и религия» (1987, № 2—4, 6, 7)
его заметки «Нравственность и рели-
гия» представляют совершенно иную
грань творчества писателя. Как худож-
ник он доказал, что атеистические
сюжеты для него не чужды, более
того, органически вытекают из всех
его нравственных установок. Вспом-
ним «Чудотворную», «Чрезвычай-
ное», «Апостольскую командиров-

ку»... Но сейчас перед нами иной
жанр — популярная публицистика, те-
оретические размышления. Думаю,
появление его нельзя понять, не
представив себе, хотя бы приближен-
тельно, личность автора «Нравствен-
ности и религии» и время, когда эти
заметки писались.

С Владимиром Федоровичем я по-
знакомился в конце 60-х годов. Зна-
комство произошло после заседания
редколлегии журнала «Наука и рели-
гия», когда в разговоре случайно
обнаружилось, что мы земляки: де-
ревня Макаровская, где он родился,
находится километрах в пяти от моей
родины. Необычное это было зна-
комство! Что-то (отнюдь не связанное
с землячеством) притягивало нас и
одновременно отталкивало. Годами
не встречались, а встретившись, радо-
вались этому и сразу же начинали
спорить. Спорили страстно, обижа-
лись, расходились, затем снова встре-
чались и — опять спорили.

Владимир Федорович был челове-
ком, что называется, «взыскующим
правды», нравственной истины. Слова:
«честь», «совесть», «справедливость»,
«смысл жизни» не были для него
пустым звуком — ни в его собствен-
ной жизни, ни в жизни героев его
произведений. Лично мне близка и
дорога такая позиция писателя. И то,
что я написал о нем вскоре после его
смерти, могу повторить сейчас: «...Се-
годня судить о его произведениях,
взвешивая на аптекарских весах худо-
жественные находки, удаchi или, на-
против, отдельные просчеты писате-
ля, уже нельзя. Его романы и повести
стали частью современной умствен-
ной и нравственной жизни нашего
общества и в качестве таковых
должны быть поняты и оценены».

Как крупный художник, в образной
форме обобщающий живой опыт
действительности, обыденные отно-
шения людей, Тендряков прекрасно

понимал, глубоко и точно передавал всю сложность согласования реальной жизни и морали. Как писателя с верным человеческим и нравственным чутьем его настроения живо (вспомним, это были 60—70-е годы) возникновение целой генерации людей, которые заглушают в себе моральные побуждения, идущие вразрез с непосредственными выгодами и интересами. Но, скажем прямо, перевод этих художнических прозрений на теоретический язык, хотя Тендряков любил теорию и стремился к философскому осмыслению явлений, давался ему нелегко и проходил не без противоречий. Порой он никак не мог взять в толк, почему люди, симпатизирующие ему, высоко ценящие его художественный талант, не соглашались с его теоретическими построениями относительно, как ему казалось, тех же самых сюжетов, что и в его романах и повестях.

Тендряков много читал, размышлял по проблемам религии и атеизма, нравственности и религии. Расширялся его теоретический горизонт, совершенствовалась аргументация. Свидетельством его работы в этом направлении в числе прочего являются очерки «Нравственность и религия». Журнал опубликовал их такими, какими они остались в бумагах писателя, и сейчас нам трудно судить об их завершенности, о том, намеревался ли он и дальше работать над ними. Иные фрагменты производят впечатление, будто автор не столько адресуется к читателю, сколько стремится уяснить истину для себя самого. Во всяком случае в этих заметках Тендряков не претендует на профессионально-научное изложение проблемы.

Размышления писателя адресованы массовой аудитории, тем, кто еще не определил своего отношения к религии как элементу современной идейной жизни, кто склонен предаваться иллюзиям относительно благотворной роли религии в нравственном становлении личности. Не исключено, что профессионалы найдут в рассуждениях писателя некоторые упрощения, спрямления, «швы», которые впоследствии, наверное, были бы устранены, слабые, а иногда и неточные места. Например, вряд ли правильно говорить о том, что научное открытие начинается с веры, которая потом сменяется знанием. История науки доказывает, что формой развития научного знания является гипотеза, в которой есть элемент веры, но рождает ее логика движения научного знания. И Коперник вовсе не от «веры» пришел к гелиоцентрической теории.

Есть в очерках и другие места, уязвимые со строго научной, вернее

научно-исследовательской, точки зрения. Но в главном автор точен: сейчас, в конце XX века, утверждать религию в качестве средства воспитания морали — значит перечеркивать весь исторический опыт человечества.

Тендряков не выносил тех, кто стремился навязать свою правду, даже не пожелав узнать доводы другой стороны. Воинствующая нетерпимость к чужим взглядам, к тому, с чем ты не согласен, склонность мерить все по собственной мерке встречали в нем решительного противника. Вот почему он не любил эпитет «воинствующий» в применении к атеизму — для него это определение воплощало собой узость взглядов, безапелляционность суждений, идейное сектанство.

И поэтому не случайно очерки «Нравственность и религия» начинаются с разбора доводов в пользу религии. Кое-кто может усмотреть здесь мировоззренческую уступку. На самом же деле никаких уступок Тендряков не делает, он лишь суммирует то, на что, по мнению верующих, религия способна претендовать: «Не отмахнемся, взглядем без предубеждения, попробуем увидеть то, что может в ней привлекать». И вслед за тем — горячая отповедь защитникам религии.

...Я знаю, вы хотите истины и добра, говорит писатель, претендуете на то, чтобы указывать людям путь, ведущий к нравственной жизни. Но, заранее отрекаясь от логики, вы не желаете принять истину такой, какой она открывается движением научной мысли, какой рисуется опытом человечества. Вы гордитесь вечностью, однозначностью ваших нравственных максим: люби ближнего, не убивай, не лги... Прекрасно! Но еще Герцен говорил: «Гармония между лицом и обществом не делается раз навсегда, она становится каждым периодом, почти каждой страной и изменяется с обстоятельствами, как все живое. Общей нормы, общего решения тут не может быть». Скажите же, каким образом человеку с помощью ваших раз навсегда данных трафаретов быть сообразным современному развитию, творить свое поведение в соответствии с обстоятельствами?

Нет, я не собираюсь раздел за разделом пересказывать содержание очерков «Нравственность и религия». На одно лишь хочу обратить внимание: в конце их появляется вопрос, который показывает, какими неожиданными путями шел писатель к постижению истины.

На религию нельзя рассчитывать, а на что можно? — спрашивает он. И сразу же решительно отвергает само право ставить вопрос таким

образом. Нет и не может быть «того самого» магического средства, с помощью которого якобы можно обновить нравственность, упорядочить и гармонизировать человеческие отношения. Мечтать о таком средстве могут лишь люди, которые, независимо от того, верят они в бога или называют себя атеистами, до конца еще не порвали с религией. «Скорей всего, нужны длительные напряженные усилия всего человечества во всех областях его деятельности, чтобы добиться тех взаимоотношений, которые мы могли бы с полным основанием назвать нравственными, — читаем мы. — Не только наука, не только высокая культура, не только материальное благополучие, а все вкупе и помимо этого, наверно, еще что-то, нам пока не известное, но что предстоит открыть».

Думается, к этому «что-то» в первую очередь следует отнести формирование потребности индивида в самостоятельном размышлении о смысле жизни, о своем месте в мире.

Чрезмерная приверженность современного человека внешнему воздействию кое-кому кажется не проявлением духовной несамостоятельности, а чуть ли не достижением коллективного образа жизни. Между тем недостаточная требовательность человека к самому себе, к своему духовному миру, стремление заглушить в себе побуждения, идущие вразрез с интересами других, обедняют возможность воздействия коллектива на своих членов, снижают его авторитет как нравственной инстанции. Но сегодня человек может стать вполне человеком, лишь обретя живое чувство личности, научившись помещать точку опоры нравственного поступка внутрь себя.

Как никогда в прошлом, не только физические и интеллектуальные силы человека, но и его способность сознательно строить свой внутренний, духовный мир становятся важнейшим фактором общественного развития. Эту работу по созданию себя как личности нельзя переложить на плечи другого, она — твоя собственная. Окружающие условия могут способствовать или, наоборот, тормозить формирование нравственного «лица» человека, но заместить личность, сделать за нее нравственный выбор никто не в состоянии.

Сюжет этот не разработан Тендряковым в «Нравственности и религии», он лишь ощущается, проглядывает за его раздумьями. Но я знаю, как волновал он писателя. Без него он не мыслил человека современного, современного образа нашей эпохи.